

Анализ дискурса сегодня, или Париж – Москва сорок лет спустя

Э.А. Дейнека
ПАРИЖ

Памяти Ю.С. Степанова

Сегодня, пожалуй, без преувеличения можно утверждать, что современные науки о языке развиваются под знаком *дискурса*. После эры нормативных грамматик и эпохи структуральных лингвистик, языкознание вновь возвращается к интегральному рассмотрению своего предмета¹. На это указывает желание все большего количества исследователей включить «науки о языке и языковом общении» в «круг *человековедческих* дисциплин» – то есть дисциплин, относящихся скорее к гуманитарному, чем к естественнонаучному кругу областей знания – «содержание которых во многом определяется соотношением методологии, философии и целого комплекса наук, формирующих в конкретный исторический момент основание научной картины мира» [Макаров 2003: 11].

Недаром, М.Л. Макаров уподобляет функцию «категории *дискурса* в социальных науках» той роли, «что отведена *евро* в европейской экономике» [Там же]. В этом смысле, понятие дискурса выступает сегодня в качестве посредника, наподобие *разменной монеты*, среди самых различных наук, дисциплин, школ и направлений, занимающихся изучением как самого языка, так и феноменов, связанных с языковой деятельностью или являющихся результа-

¹ Как справедливо отмечает Т.Н. Хомутова, «развитие лингвистической науки на современном этапе... характеризуется поиском нового “интегрального” подхода, формированием новых парадигм знания, предполагающих отход от идей “структурной” парадигмы». В основе такой «интегральной парадигмы, по мнению Е.С. Кубряковой, лежит *когнитивно-дискурсивный подход* к языку и языковым объектам», предполагающий «комплексное междисциплинарное исследование с учетом взаимодействия различных областей лингвистического знания» [Хомутова 2009: 148].

том последней [Sciences du texte et analyse de discours 2005: 7]. Так, формируемый в настоящее время образ языка неуклонно приобретает очертания, которые усматривал в нем, еще в начале XIX века, В. фон Гумбольдт, будучи уверенным в том, что суть «языка состоит исключительно в связной речи», тогда как «грамматика и словарный запас сравнимы лишь с его мертвым скелетом»¹.

Следуя этой тенденции, в методологическом отношении современная лингвистика явным образом возвращается к подходам традиционной филологии – к исследованию феноменов культуры через познание языковых явлений, и наоборот, к изучению языка на основе прочтения реальных исторических и художественных текстов, путем анализа живой (а не искусственно смоделированной) письменной и устной речи. Только делается это уже на новом диалектическом уровне, с использованием знаний и навыков², накопленных в период расцвета формалистических концепций, таких как генеративная лингвистика, интерпретационизм, категориальная грамматика, функционализм, теория прототипов, прагматика и лингвистический когнитивизм [Демьянков 1995].

Неудивительно, что при таком методологическом подходе, по свидетельству В.И. Карасика, для лингвистического исследования приобретают «ценность и наблюдения, и интроспективные определения, и гипотетические модели, и социологические и социолингвистические эксперименты, и анализ значений слов, фразеологизмов, паремий, художественных и деловых текстов» [Карасик 2002: 121]. По меткому выражению Н.Д. Арутюновой, современная лингвистика – лингвистика дискурса – представляет собой изучение «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 1990].

Таким образом, в рамках нынешней лингвистической парадигмы³, язык вновь начинает концептуализироваться уже не как продукт мышления, а как

¹ «La langue consiste seulement dans le discours lié, la grammaire et le dictionnaire sont juste comparables à son squelette mort» [цит. по фр. пер.: Meschonnic 1985: 143].

² Так, например, авторы сборника *Науки о тексте и анализ дискурса* [Sciences du texte et analyse de discours 2005] задаются вопросом о том, на каком основании могут найти почву для диалога старые и новые текстологические науки. В частности, исследователи пытаются оценить вклад филологии в теорию текстуально-дискурсивного анализа, предлагают собственную методологию, обсуждают социодискурсивные подходы, а также наработки в области риторики и этнокритики. Другая, относительно недавняя работа по «текстуальному анализу дискурсов» («analyse textuelle des discours») [Adam 2005] предлагает читателю варианты анализа литературно-художественных текстов, наряду с анализом таких документов, как политические выступления, путеводители для туристов, технические инструкции, кулинарные рецепты и так далее.

³ Исследуя предпосылки и специфику современной лингвистической парадигмы, Т.Н. Хомутова связывает ее появление с «кризисом изоляционистских представлений», приведшим «лингвистику к необходимости изучения языка во всем многообразии его внешних связей, связей с человеком, культурой, обществом». Так, «характерной чертой современных лингвистических исследований» она, наряду со многими зарубежными и отечественными учены-

«орган нашей мысли» («l'organe de notre pensée»), при этом «термины [понимаются как] нечто гораздо большее, нежели бесплотные отзвуки, ибо всякое аутентичное понимание предполагает отчеканивание новых выражений»¹ (*пер. мой – Э.Д.*). Закономерным образом пространство языковой деятельности перестает при этом восприниматься как некое целостное образование, семиотически локализуемое, по мысли Ч. Морриса², в системе трехмерных координат – «семантики, синтактики, прагматики» [Степанов 2010: 3]. В реальности, оно распадается на совокупность «альтернативных миров» и «языков в языке», «за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир», в котором «действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет» [Степанов 1995: 44].

Учитывая сегодняшнюю актуальность теории дискурса в мировой гуманитаристике, а также тот факт, что в Россию она пришла со значительным опозданием – почти через сорок лет после ее становления на Западе, будучи привнесенной в российскую науку опосредованно в рамках довольно различных, порой противоречивых, концептуальных систем – представляется целесообразным предпринять попытку классификации и исторического обзора данных направлений. В частности, в этом небольшом ретроспективном обзоре нашей задачей могло бы стать рассмотрение событий истории, продолжившейся после прихода к российскому читателю, в 1999 году, сборника статей *Французской школы анализа дискурса*, предваренного замечательным предисловием Ю.С. Степанова «Париж – Москва, весной и утром...» и обстоятельной вступительной статьей известного франко-швейцарского русиста Патрика Серьо [Степанов 1999; Серьо 1999].

ми, считает «антропоцентризм», переключающий «интересы исследователя с объекта на субъект познания». В рамках такой антропоцентрической парадигмы «анализируется человек в языке и язык в человеке», а в качестве основных ее направлений «называются когнитивная лингвистика и лингвокультурология» [Хомутова 2009: 145].

¹ «Les termes étant bien plus que des échos sans consistance, puisque toute compréhension authentique implique la frappe de nouvelles expressions» [Humboldt 1974].

² Согласно соображениям «Ч. Морриса, например, который различает в семиотическом анализе три составляющие: синтаксис, семантику и прагматику» («C. Morris, par exemple, qui distingue, dans l'analyse sémiotique, trois composantes : la syntaxe, la sémantique et la pragmatique») [Courtés 1991: 4]. По мысли Ч. Морриса, данные отделы семиотики – по аналогии с существующим в лингвистике подразделением на грамматику, фонетику и лексикологию – должны изучать отношения, соответственно: знаков между собой, означающего с означаемым внутри знака, и знаков с коммуникантами. Тогда как дискурсивная парадигма далеко не во всех школах согласуется с таким семиотическим видением проблемы, характерным, в основном, для семиолингвистического (или лингвосемиотического) подхода прагматико-коммуникативной направленности.

Однако, с первых же шагов в этом направлении, выясняется, что продолжить повествование с указанного момента не представляется возможным до тех пор, пока не будет определен, собственно, его главный герой – само понятие «дискурс». Действительно, в зависимости от того, какие смыслы окажутся вложены в этот многоликий и неоднозначный термин, придется рассказать несколько абсолютно разных историй¹.

DISCOURSE, DISCOURS, ДИСКУРС: «ВЕЩЬ» И СЛОВО

В одной недавно опубликованной статье, посвященной определению параметров дискурсивного анализа категории аспектуальности, автором констатируется примечательный факт: несмотря на то, что «в современной лингвистике понятие дискурса является одним из наиболее употребительных», оно «до сих пор не имеет четкого определения» [Белошапкина 2008].

Вместе с тем исследовательница, как и многие другие ее коллеги-лингвисты, выделяет в современной науке о языке два основных взгляда на сущность дискурса. Первая точка зрения связывает его с социальной активностью человека; в узком смысле – с коммуникацией. При этом предполагается, что участники некой коммуникативной ситуации обмениваются сообщениями

¹ В этом отношении, весьма показательна тема лекции, прочитанной Патриком Серьо в Институте языкознания РАН 9 февраля 2012 года: «Язык и дискурс: большая путаница». С одной стороны, не зная содержания доклада, можно было бы предположить, что французским эквивалентом *языка* и *дискурса* здесь являются сосюровские понятия «langue» и «parole». С другой стороны, с учетом истории французского варианта теории дискурса, понятно, что речь идет, скорее всего, о бенвенистовском противопоставлении понятий «discours» (речь, дискурс, разговор) и «récit» (повествование, рассказ, изложение). Вместе с тем, в контексте работы Э. Бюиссанса по функциональной семантике *Les langages et le discours : essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie* [Buysens 1943], упоминавшейся лектором, становится еще менее понятным то, как следует понимать в данном контексте термин *язык* – как «langue» или как «langage» («свойство системности сближает дискурс с языком. Язык является универсальной абстрактной микросистемой, тогда как дискурс – конкретной мини-системой. Дискурс – это речь, наделенная социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст» [Дискурс 2004])? Остроумие этой темы, по-видимому, и заключалось в том, чтобы воспользоваться отсутствием в русском языке точных лексических эквивалентов для передачи двумя различными словами значений терминов *langue* (язык-система) и *langage* (языковая деятельность). Таким образом, «большая путаница» возникает, по мысли П. Серьо, вероятно, не столько в плане смешения (или частичного перекрытия – *имбрикации*, как сказал бы Ю.С. Степанов) смысла терминов *langue*, *langage*, *parole*, *discours* во франкоязычном языкознании, сколько при их переводе, в различных комбинациях, на русский язык и в ходе их интерпретации русскоязычными лингвистами, о чем французский филолог и говорил в своем выступлении.

осознанно и, обладая полным контролем над говоримым, буквально *пользуются* языком. Согласно второй точке зрения, так называемая «языковая личность» говорящего субъекта сама становится предметом «дискурсивного исследования»; здесь подразумевается, что говорящий субъект, как его индивидуальное сознание, так и человеческая культура в целом, определяются некой *дискурсивной матрицей*, не зависящей от воли единичного субъекта. Эта трудно поддающаяся выявлению и описанию, но каким-то образом заложенная в языке система лингво-когнитивных отношений (ср. язык как «система значимостей», *système de valeurs*, по Соссюру) принципиально не поддается полному освоению отдельным говорящим субъектом – в силу ее социально-исторической, наиндивидуальной природы¹.

Эти две точки зрения, определенно, восходят к двум различным лингво-философским традициям – англоамериканско-англосаксонской, генетически связанной с философией позитивизма и логическим анализом языка (Локк, Фреге, Рассел, ранний Виттгенштейн, Ельмслев), и «континентальной», в основном франкоязычного происхождения, традиции, примыкающей, в силу своей гуманистической направленности, к гумбольдтианству, к идеям эпохи Возрождения, к лингвистическим аспектам философии экзистенциализма и феноменологии (Гумбольдт, Кондильяк, Хайдеггер). Крайне обобщенно, эти, в определенном смысле антагонистические, направления можно условно охарактеризовать, соответственно, как «логоцентрическое» и «антропоцентрическое». Оба они не имеют непосредственного отношения к рассматриваемой проблематике дискурса в узком смысле, однако довлеют над ней в качестве определенного метафизического фона, определяя, в том числе, диалектическое противостояние *логицистского* и *гуманистического* начал в лоне самой теории дискурса, а порой даже их сложное взаимодействие и переплетение.

Что же касается непосредственных источников дискурсивной парадигмы в лингвистике и в гуманитарных науках, то они, очевидным образом, уходят корнями в историю языкознания второй половины XIX – начала XX века, когда, в противовес принципам инвариантности и универсальности внутренней структуры человеческого языка, на первый план выдвигаются, наоборот, проблемы языкового разнообразия и изменчивости отдельных языков и языковых групп (младограмматики, Х. Штайнталь, психологическое направление в историческом языкознании и другие). Возможно, именно на этом этапе теоретического моделирования будущей науки о языке, обобщенные принципы кото-

¹ Как говорил Э. Бенвенист: «Nous n'atteignons jamais l'homme séparé du langage et nous ne le voyons jamais l'inventant. Nous n'atteignons jamais l'homme réduit à lui-même et s'ingéniant à concevoir l'existence de l'autre. C'est un homme parlant que nous trouvons dans le monde, un homme parlant à un autre homme, et le langage enseigne la définition même de l'homme» («Нам никогда не добраться до человека отдельно от его языка, и нам никогда не увидеть его изобретающим язык. Нам никогда не добраться до человека, сведенного до уровня самого себя и упражняющегося в осознании бытия другого. Мы находим в мире лишь человека говорящего, человека, говорящего с другим человеком, и язык преподает нам само определение человека» [Benveniste 1966: 259] (*Пер. мой. – Э.Д.*).

рой будут сформулированы впоследствии Ф. де Соссюром, возникает своеобразная бифуркация. С одной стороны, для дальнейшего построения лингвистики за образец принимается естественнонаучная модель биологической эволюции, с другой стороны – парадигма наук, связанных с культурой, обществом и духовной жизнью человека (психология, социология, культурная антропология, этнография). При этом, в обоих случаях, акцент смещается с попыток выявления логической структуры языка на исследование живой речи, на язык в его реальном функционировании.

Эта эпистемологическая двойственность, с одной стороны, и единство, с другой стороны, будут, в свою очередь, обуславливать, в течение XX – начале XXI веков, принципиальную неоднородность различных репрезентаций дискурса как языкового феномена и различных принципов построения теории дискурса как метода анализа этого феномена. Так, «естественнонаучная» концепция дискурса, несмотря на свою принадлежность, в целом, новой «антропоцентрической» парадигме в языкознании, во многом тяготеет к «логическому», формалистическому направлению, доминировавшему в науке о языке до середины XIX столетия.

Вышеуказанное противостояние проявляется, в частности, в различии лингвофилософских подходов структурализма (теория коммуникации Р. Якобсона, порождающие и трансформационные грамматики и функциональная лингвистика Н. Хомского) и постструктурализма (теория дискурса М. Фуко, лингвистические аспекты психоанализа Ж. Лакана, идеологическое прочтение текстов Л. Альтюссером, деконструкция Ж. Дерриды, семанализ Ю. Кристевой и другие) к определению и теоретизации таких языковых явлений, которые постепенно, начиная с середины XX века, будут оформляться в концепт под названием «дискурс».

С этой точки зрения, к первому из указанных направлений можно отнести и прагмалингвистику ван Дейка и Блэкмора [Dijk 1981; Blakemore 1993], и функционализм Брауна-Юля и Шиффрин [Brown, Yule 1983; Schiffrin 1994], и структурализм Стаббса [Stubbs 1994]. Тогда как второму направлению, в его постструктуралистском варианте, как раз принадлежат работы школы М. Пешё, базирующиеся на опосредованном, социальном, политическом, психологическом, культурологическом прочтениях лингвистики Э. Бенвениста, а именно его специфической концепции дискурса как актуализации языковой системы в речи отдельных субъектов в условиях коммуникативной ситуации¹.

¹ Поэтому не следует принципиально смешивать понятия дискурса и коммуникативной ситуации, соответственно, с точки зрения *прагматики*, например Серла или ван Дейка [Searle 1969; Dijk 1981], и с точки зрения *лингвистики высказывания* Бенвениста. Последний действительно утверждал, в статье «Отношения времени во французском глаголе», что «дискурс следует понимать в его наиболее широком значении» – как «любое высказывание, предполагающее некоторого говорящего и некоторого слушающего, и у первого – намерение произвести на второго, некоторым образом, воздействие» («Il faut entendre discours dans sa plus large extension: toute énonciation supposant un locuteur et un auditeur, et chez le premier l'intention d'influencer l'autre en quelque manière») [Benveniste 1966: 241–242] (*пер. мой. – Э.Д.*). Однако позд-

В рамках первой традиции, под дискурсом понимается так называемая «связная речь» (*connected speech*). При этом, предметом изучения «дискурсно-го» или «дискурсивного анализа» (*discourse analysis*) становится, прежде всего, устная коммуникация, диалог, то есть интерактивное взаимодействие коммуникантов – эмиттента и реципиента – в условиях некоторой контекстной, вербальной или невербальной, коммуникативной ситуации [Чернявская 2006: 69–70]. Одной из разновидностей развитой теории дискурса такого толка является когнитивно-семантическая теория социокультурных фреймов Т.А. ванн Дейка, в которой под фреймом понимается единица, организованная вокруг определенного концепта и содержащая *основную, типическую и потенциально возможную информацию*, связанную с данным концептом.

Вероятно, именно эту модель дискурса Ю.С. Степанов использует для построения отдельных аспектов своей лингвокультурологической системы – так называемой «семиотики концептов»¹ [Степанов 2001]. В плане определения понятия «дискурс», он придерживается формулировки В.З. Демьянкова, которую считает «лучшей до сих пор» из ранее предложенных: «...В.З. Демьянков <...> сумел дать эскиз того, что представляет собой “грамматика” и шире, “мир дискурса”. <...> В.З. Демьянков писал: “Discourse – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения “этнографии речи” <...>. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий собы-

нее Бенвенист уточнил свою позицию, пояснив, что «прежде чем служить для того, чтобы общаться, язык служит для того, чтобы *жить*» (« *bien avant de servir à communiquer, le langage sert à vivre* »), то есть служит для осуществления всех видов «речевой, мыслительной и деятельной активности» (« *toutes les activités de parole, de pensée, d’action* ») [Benveniste 1974: 217] (*пер. мой. – Э.Д.*). В этом контексте, становится понятен смысл смягчающего вводного оборота «*en quelque manière*» («некоторым образом»), указывающего на то, что под выражением «оказать воздействие» Бенвенист, в итоге, понимает не совсем ту интенциональность, которую вкладывали в эту идею лингвисты-прагматики.

¹ Так, в частности, Ю.С. Степанов выделяет в структуре устойчивых («константных») культурологически значимых концептов три компонента, или три слоя: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [Степанов 2004: 46].

тия; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Степанов 1995: 37–38].

Французский, социолингвистический, вариант теории дискурса связан, в первую очередь, с именем Мишеля Фуко. Используемое им понятие дискурса определяется как «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность» [Чернявская 2006: 3]. Подробное описание истории и теории этого вида дискурсивного анализа, теоретизация которого, помимо лингвистики Бенвениста, была также тесно связана с психоанализом Лакана и марксизмом Альтюссера, дано П. Серьо [Серьо 1999].

Что касается истории анализа дискурса в России, то исторически оно в основном связано с именами В.В. Виноградова и Г.О. Винокура, говоривших о дискурсе, вплоть до 1990-х годов, скорее как о «функциональном стиле» [Степанов 1995: 36]. Впоследствии, российскими авторами стали перениматься идеи, соответственно, различных зарубежных вариантов теории дискурса. Вместе с тем, отдельные аспекты последней – если основывать ее на определении дискурса, данном В.З. Демьянковым, и понимать дискурс, вслед за Ю.С. Степановым, как своеобразный семиотизированный, концептуально-языковой «мир» со своим способом когнитивного освоения внеязыковой реальности и своими правилами лингвистического поведения – можно обнаружить уже в работах таких русскоязычных авторов, как Л.В. Щерба, А.А. Потебня, С.А. Аскольдов, Г.Г. Шпет [Фещенко 2005].

Каковы же основные параметры той «антропоцентрической» парадигмы современного языкознания, которую составляют все вышеуказанные направления дискурсивного анализа? Пытаясь ответить на этот вопрос, Ф. Мазьер, лингвист и бывшая коллега М. Пешё, полагает, что ключевыми объединяющими концептами, вокруг которых выстраивались все эти довольно разнородные направления нового лингвистического подхода, были *язык, субъект и история* (*langue, sujet, histoire*).

Хронологически, она выстраивает следующую последовательность теорий, сменявших друг друга, начиная с 1960-х годов и заканчивая настоящим временем: «структурная, затем генеративная, лингвистика, высказывание и герменевтические традиции, затем социолингвистика и англо-саксонский *Discourse analysis*, автоматическая обработка данных, и философия языка, переосмыслявшая смысл»¹ (*пер. мой – Э.Д.*).

Ф. Мазьер выделяет ряд ключевых принципов, которые, несмотря на всю разнородность указанных лингвистических течений, позволяют все же объединить их все в общую методологическую категорию:

1) все теории анализа дискурса понимали язык (*langue*) как *сконструированный* лингвистами объект, тогда как за отдельными языками (*langues*) признавали наличие отдельных *реальных* форм;

¹ «La linguistique structurale puis générative, l'énonciation et les traditions herméneutiques, puis la sociolinguistique et la *Discourse analysis* anglo-saxonne, les traitements automatiques, et une philosophie du langage qui repensait le sens» [Mazière 2010: 5].

2) каждая теория анализа дискурса учитывала грамматику отдельных языков, отрицая при этом существование универсального логического синтаксиса, – все они принимали в расчет только аттестованные высказывания (т.е. те, которые были где-то и когда-то зафиксированы как реально имевшие место);

3) всякий анализ дискурса конфигурировал подлежащие анализу продукты высказывания в виде сконструированных корпусов, зачастую разнородных, в зависимости от требуемой области знания – лингвистического, исторического, политического или философского плана;

4) всякий анализ дискурса конструировал свои интерпретации, свои «прочтения», посредством материалистической критики и при помощи принятых методик, с учетом данных языка(ов) и истории, принимая при этом в расчет рефлексивные лингвистические возможности говорящих субъектов, но отказываясь при этом ставить у истока высказывания индивидуального говорящего субъекта в качестве «хозяина в своем доме» [Mazière 2010: 5].

Таким образом, подводя итог сказанному, можно провести следующие классификации. Во-первых, по дисциплинарному принципу, анализ дискурса может относиться как к сфере так называемой «чистой» лингвистики, так и к различным ее приложениям в междисциплинарных областях – на стыке с социологией, культурологией, когнитивистикой, филологией, литературоведением, философией, психологией и так далее [Bronsart 1994].

Во-вторых, под дискурсом может пониматься: 1) либо просто любой связный, письменный или устный, текст; 2) либо связанная совокупность высказываний, рассматриваемая в рамках определенной коммуникативной ситуации; 3) либо как особый тип языка, близкий по своим характеристикам понятию «функциональный стиль» (например: литературный, научный, публицистический, официальный дискурс) или связанный с определенной научно-практической областью или специфической сферой деятельности (например: математический, медицинский, юридический дискурс и так далее, в противоположность быдному языку [см. об относительности такого разделения: Силантьев 2011])¹; 4) либо как «система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или

¹ Проблема установления так называемой *типологии дискурсов* (*typologie des discours*) [Maingueneau 1996: 85; Adam 1999: 81], в частности выделение *жанров дискурса* (*genres de discours*) – таких, например, как религиозный, политический, литературный, философский и другие [Дискурс 2004] – связанная, с одной стороны, у некоторых авторов, с размышлением над творчеством М. Бахтина, у других – с попытками подвести понятие дискурса под ту или иную классификационную парадигму, занимает в литературе по теории дискурса особое место. Так, например, Ж.П. Бронкар (1985) выделил четыре основных «дискурсивных архетипа» (*archétypes discursifs*): дискурс в ситуации, разговорный рассказ, теоретический дискурс, повествование (*discours en situation, récit conversationnel, discours théorique, narration*). Сами же дискурсивные типологии, согласно классификации Петижана (1989), можно разделить на энонсиативные, коммуникационные и ситуационные (*typologies énonciatives, communicationnelles et situationnelles*).

идеологической позиции» (например, «феминистский дискурс» или «административный дискурс») [Серьо 1999: 26; Maingueneau 1991: 15]. Объединяя последние две таксономические категории, в расширительном смысле, можно сказать, что дискурс – это термин, выражающий «общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 19].

В-третьих, по принципу лежащей в основе данного анализа концептуальной позиции, теории дискурса можно подразделять на прагматические, структуралистские, когнитивно-семантические, семиолингвистические, поэтические и прочие варианты.

ИСТОРИИ И ТЕОРИИ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА: ШКОЛЫ, КОНЦЕПТЫ, ПАРАДИГМЫ

В 1999 году, в заключительном разделе своей обзорной статьи, «А.Д. сегодня», П. Серьо указывает на то, что на текущий момент «идея дискурса получила на Западе широкое распространение в трудах историков» в связи с положением о том, что «тексты не служат простыми инструментами для изучения событий, а сами являются событиями»¹ [Серьо 1999: 51]. Одной из работ данной направленности является дидактическое изложение основ методологии чтения исторических архивов Д. Мэнгено [Maingueneau 1991]. Именно на него и опирается П. Серьо в своей вступительной статье «Как читают тексты во Франции» [Серьо 1999].

Так, в частности, Д. Мэнгено возводит зародившуюся в 1960-х годах Французскую школу анализа дискурса, с одной стороны, к сочетанию рутинной школьной практики комментирования текстов и общеевропейской филологической традиции XIX века, соединявшей изучение истории с размышлением над текстами. С другой стороны, Мэнгено видит официальный исток термина «анализ дискурса» в переложении с английского на французский словосочетания «discourse analysis», употребленного впервые американским лингвистом З. Харрисом в опубликованной им в 1952 году статье с аналогичным названием, которая была переведена на французский язык и вышла в журнале *Langages*, No 13, 1969. Под «дискурсным анализом» Хар-

¹ Судя по работам такого лингвиста и поэта, как А. Мешонник, идея эта получила распространение на Западе далеко не только в трудах историков. Так, в ряде своих публикаций [Meschonnic 1985a; Meschonnic 1999], посвященных анализу философского дискурса В. фон Гумбольдта, автор настаивает на том, что в названии известного сочинения Гумбольдта «Über die Aufgabe des Geschichtschreiber» (1821) слово *Geschichtschreiber* следует переводить на французский язык не термином *историк* (*historien*), или *историограф* (*historiographe*), а словосочетанием *писатель истории* (*écrivain de l'histoire*), объясняя это тем, что, по мысли Гумбольдта, задача историка не может заключаться в нечеловеческой задаче объективного отражения событий истории и что состоит она, на самом деле, в буквальном смысле, в *написании этой истории*, а точнее, в написании одного из возможных вариантов такой истории.

рис подразумевал распространение дистрибуционализма на так называемые трансфразовые единства. Основанный на методике коммутационного теста, анализ Харриса был вписан в контекст структурализма и практиковал дословно «разложение» (этимологический смысл термина *анализ*) дискурса, то есть практически осуществлял «психоанализ» текстов. Данная идея возможности выявления лингвистическим способом социального, психологического, идеологического, политического и других видов текстового «бессознательного» оказалась созвучна идеям Лакана, Фуко и Альтюссера. А наиболее активным приверженцем данной методологии стал Мишель Пешё, руководитель Лаборатории социальной психологии в университете Париж VII, занимавшийся «автоматизированным анализом дискурса» [Maingueneau 1991: 9–13].

Ж.М. Адам и Ю. Хейдманн указывают даже точную дату «поворотного момента», ознаменовавшегося в 1966 году проведением в Серизи-ля-Салль конференции под названием «Современные пути критики» (*Les chemins actuels de la critique*), когда на смену «новой критике» пришел анализ дискурса и структурная лингвистика уступила место наукам о языке, а автономии текста заменила контекстная обусловленность смысла. Своеобразным продолжением этой тенденции стала конференция 2002 года, состоявшая все в том же нормандском замке Серизи-ля-Салль, под названием «Анализ дискурса в литературоведении» (*L'analyse du discours dans les études littéraires*), официально утвердившая анализ дискурса в качестве литературоведческой методологии [Sciences du texte et analyse de discours 2005: 7].

Говоря об истории приложений теорий дискурсного анализа в области литературоведения, необходимо подробнее остановиться на таких значимых направлениях, как не вполне институционально фиксированная *школа исторической антропологии языка* (*anthropologie historique du langage*) А. Мешонника и созданная в те же 1960-е годы А.Ж. Греймасом, на базе одной из исследовательских лабораторий CNRS, *Парижская семиотическая школа* (*École sémiotique de Paris*), или иначе «школа семиолингвистического анализа». Первой принадлежат такие разные по своим специальностям авторы, как лингвист и поэт Ж. Дессон, литературовед С. Мартен, антрополог П. Мишон, лингвист Ж.Л. Шисс и другие. Ко второй, в свою очередь, относятся такие видные деятели французского языкознания, семиотики, литературоведения и философии, как Ц. Тодоров, О. Дюкро, Ж. Женетт, Ж.К. Коке, Ф. Растье.

Среди наиболее преданных приверженцев исходного варианта семиолингвистики, необходимо упомянуть Жозефа Куртеса, последователя и соавтора А.Ж. Греймаса, совместно с которым он издал в 1979 и 1986 гг. двухтомник *Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage* (изд. Hachette) и впоследствии продолжал развивать «классический» («la terminologie sémiotique “classique”»), или «стандартный» («sémiotique, souvent dite “standard”»), вариант «дискурсивной семиотики» («sémiotique discursive»), основанный в том числе на идеях Ч. Морриса [Courtés 1991: 3–5]. Свой подход Ж. Куртес считал «комплементарным» по отношению к альтернативным родственным «исследовательским направлениям» – «теории речевых актов, прагматике, аргумен-

тации, естественной логике, лексической семантике и другим»¹ (*пер. мой. – Э.Д.*).

В этом отношении, между «классической» семиолингвистикой Греймаса-Куртеса и «неклассическими» авторскими концепциями, такой, например, как «феноменология языка» Ж.К. Коке, проходит демаркационная линия, которую М. Костантини, ученик Ж.К. Коке, обозначил как границу между «une sémiotique objectale» (*объектной семиотикой*) и «une sémiotique subjectale» (*субъектной семиотикой*). Действительно, если первая оперировала такими понятиями, как *langue et langage, signifiant et signifié, expression et contenu, isomorphies et homologations, structures narratives de surface et profondes, niveaux sémantiques du discours, actants de l'énonciation et moyens de manipulation énonciative (temporalisation, spacialisation, actorialisation)*², то вторая началась в точности там, где закончилась первая, а именно на этапе перехода от анализа нарративных конструкций (Якобсон – Пропп – Греймас) к исследованию дискурсивно-энонсиативных явлений (Бенвенист – Греймас – Коке).

Во вступительной статье к сборнику, посвященному творчеству Ж.К. Коке и озаглавленной «По направлению к семиотике непрерывного» (*Vers une sémiotique du continu*), М. Костантини и И. Дарро-Харрис дают периодизацию исследовательского пути основателя «семиотики инстанций». Первый период (1950–1966) редакторы сборника связывают с размышлениями Ж.К. Коке над идеями лингвистики высказывания Э. Бенвениста, второй период (1966–1983), по их мнению, соответствует времени, проведенному им в «стенах» греймасовской *Парижской школы* семиолингвистического анализа, а третий – станет временем создания его собственной «семиотики непрерывного, или субъектной семиотики» [*Sémiotique, phénoménologie, discours* 1996: 5–24], которую впоследствии сам автор назовет «семиотикой инстанций» и впишет, через философию восприятия М. Мерло-Понти, в проблематику экзистенциально-феноменологической традиции.

От Э. Бенвениста Ж.К. Коке возьмет, в частности, идею о том, что «les pronoms ne constituent pas une classe unitaire, mais des espèces différentes selon le mode de langage dont ils sont les signes. Les uns appartiennent à la syntaxe de la langue, les autres sont caractéristiques de ce que nous appellerons les “instances de

¹ «La théorie des actes du langage, la pragmatique, l'argumentation, la logique naturelle, la sémantique lexicale, etc.» [*ibid.*, с. 3].

² Язык и языковая деятельность, означающее и означаемое, выражение и содержание, изоморфии и гомологации, поверхностные и глубинные повествовательные структуры, семантические уровни дискурса [или речи], актанты [или действующие лица] высказывания и способы высказывательной манипуляции (темпорализация [или овременение], спациализация [или опространствливание], акториализация [или задание параметров действующего лица]) [Courtés 1991] (*Пер. мой. – Э.Д.*).

discours”, c’est-à-dire les actes discrets et chaque fois uniques par lesquels la langue est actualisée en parole par un locuteur» [Benveniste 1966: 251]¹.

¹ «Мы будем здесь рассматривать местоимения как факт языка вообще и покажем, что они не составляют единого класса, а образуют различные роды и виды в зависимости от того модуса существования языка, знаками которого они являются. Одни из них принадлежат синтаксису языка, другие – тому, что мы будем называть “единовременными речевыми актами” (“instances de discours”), то есть таким дискретным и всякий раз неповторимым актам, посредством которых говорящий актуализирует язык в речь» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 285). Хотелось бы отметить два примечательных момента в приведенном отрывке: перевод словосочетания “instances de discours” термином “единовременные речевые акты” и выражения «les actes discrets et chaque fois uniques par lesquels la langue est actualisée en parole par un locuteur» («дискретные и всякий раз неповторимые акты, посредством которых язык актуализируется в речь отдельным говорящим») в виде фразы «дискретным и всякий раз неповторимым актам, посредством которых говорящий актуализирует язык в речь». Создается впечатление, что на русском переводе текста Э. Бенвениста сказалась идеология «теории речевых актов» (speech act theory) Дж. Остина и Дж. Серла. Действительно, «дискурсивные инстанции» Бенвениста и «речевые акты» Серла, и те и другие, связаны с давней лингвофилософской традицией разделения элементов высказывания на дейктические и анафорические, в зависимости от способа осуществляемой ими референтной функции по отношению к экстралингвистическому контексту: от Б. Рассела, с его понятием «egocentric particulars», вплоть до дискурсивной семиотики Ж.К. Коке (в этом, например, отличие роли знаков-индексов, выполняемой в частности указательными местоимениями, от лингвистических знаков-символов, обладающих репрезентативным содержанием, в семиотике Ч.С. Пирса). Однако в каждом отдельном случае, у разных авторов, имеют место значительные расхождения в особенностях концептуализирования данной проблемы. Говоря об «актуализации языка в речь», Бенвенист не случайно использует пассивный залог (*la langue est actualisée*) и неопределенный артикль (*un locuteur*). То есть, Бенвенист вовсе не утверждает, будто «le locuteur actualise la langue en parole», он пишет именно «la langue est actualisée en parole par un locuteur». Этот грамматический нюанс можно объяснить тем, что, в отличие от лингвистов-прагматиков, создателей теории речевых актов, он рассматривает речевой акт не с точки зрения иллюкутивно-перлокутивной семантики (т.е. в терминах интенциональности), а в плане позиционирования субъекта высказывания в процессе языковой деятельности во времени, пространстве и лице. Именно язык, как независимая виртуальная сущность, обладающая социальной, наиндивидуальной природой, доминирует над единичным говорящим субъектом, актуализируясь в его речь, а не наоборот. Слово *instance*, таким образом, несет в себе идею не только моментальности (инстантности, «единовременности» речевого акта, т.е. сиюминутности коммуникативной ситуации в смысле соотнесенности речевого акта с описываемым действием), но и своеобразной императивности

Заглавие первого программного двухтомника Ж.К. Коке – *Le discours et son sujet (Дискурс и его субъект)*¹ [Coquet 1984 et 1985] – говорит само за себя. Оно, как и книга в целом, несет в себе заряд той общей для всех теорий дискурсного анализа проблематики, о которой говорит Ф. Мазьер – *язык, субъект, история*. Правда, вместо *истории* здесь, пожалуй, следовало бы поставить другой термин – *смысл*. На это указывает также тема второго программного сочинения Ж.К. Коке – *La quête du sens: le langage en question (Поиск смысла: язык под вопросом)* [Coquet 1997].

Суть революционного взгляда Ж.К. Коке на методологию семиолингвистического анализа² *Парижской школы* как раз и заключалась в том, чтобы посмотреть на субъекта не как на подлежащее элементарных пропозиций, в духе структурализма Н. Хомского [Chomsky 1955], а наоборот, как на говорящего

(инстанциональности в смысле довления различных *языковых инстанций* – местоименных, модальных, пространственно-временных и прочих – в дискурсе отдельно взятого говорящего субъекта). Для понимания истоков «семиотики инстанций» Ж.К. Коке важно учитывать этот существенный момент, а именно представление о «дискурсивных инстанциях» (фр. *instances de discours*, англ. *instances of discourse*) как о любых высказываниях, лингвистически несущих на себе отпечаток дискурсивно-референтной ситуации говорящего субъекта-автора этих высказываний. Причем, личные местоимения здесь выступают в роли именно «дискурсивных инстанций» (т.е. *источников* дискурса, в каждый момент высказывания определяемых *пучком* интересубъективных и пространственно-временных отношений), а не в качестве обозначения «окончательных сущностей», т.е. «полноценных субъектов» [см. об этом, в частности: Lombardo P. *The three paradoxes of Roland Barthes*, University of Georgia Press, 1989, p. 65–66].

¹ Заглавие книги представляет собой популярную во французской лингвистической гуманитаристике игру слов, о которой писал, в частности, П. Серью: «Напомним русскому читателю, что французское слово *sujet* переводится на русский язык как “сюжет”, “субъект”, “подлежащее” и “подданный”. Три последних значения взаимно налагаются друг на друга при употреблении Альтюссером слова *sujet*» [Серью 1999: 38]. У Ж.К. Коке «взаимно налагаются друг на друга» скорее не три последних, а три первых значения слова *sujet*.

² П. Шародо поясняет суть наименования *семиолингвистики* следующим образом: «une analyse sémiolinguistique du discours est Sémiotique en ce qu'elle s'intéresse à un objet qui ne se constitue que dans une intertextualité, laquelle dépend des sujets du langage, cherchant à en dégager des possibles signifiants, et qu'elle est Linguistique en ce que l'instrument qu'elle utilise pour interroger cet objet est construit au terme d'un travail de conceptualisation structurelle des faits langagiers» («семиолингвистический анализ дискурса является Семиотикой постольку, поскольку он интересуется объектом, конституирующимся лишь в интертекстуальности, которая зависит от субъектов языковой деятельности, стремясь выделить в ней возможные означающие, и Лингвистикой – постольку, поскольку инструмент, который она использует для исследования этого объекта, сконструирован в результате структурной концептуализации языковых явлений») [Charaudeau 1983: 15; Charaudeau 1995] (*Пер. мой – Э.Д.*).

субъекта, обнаруживающего себя в дискурсе (ср.: не «субъект и его дискурс», а «дискурс и его субъект») в координатах пространственности, временности и intersубъективности, то есть, в данном случае, в контексте определенных *модальных* отношений с другими «инстанциями» высказывания. Последние могут соотноситься как с одним и тем же, например биологическим, субъектом, так и с различными индивидуальными или коллективными сущностями, определяющими модальный профиль говорящего в текущий момент субъекта¹. Эту идею субъекта высказывания как актанта (*actant*), то есть «формы» (*forme*), «пучка отношений» (*faisceau de relations*), а не «существа из плоти» или «лица»², Ж.К. Коке заимствовал у Ж.А. Греймаса, в его «семиотике актантов».

В книге *Дискурс и его субъект* еще отчетливо присутствует наследие структурализма – текст сильно нагружен логико-грамматическим аналитическим аппаратом и изобилует псевдоматематическими формулами. Но здесь, наряду со своеобразной попыткой «вычислить» субъективность субъекта, уже намечается радикальный переход от дискретной семиолингвистики фразового единства к континуальной семиолингвистике *трансфразовых* (текстовых, дискурсивных)³ единств («à l'analyse de la dimension transphrastique, autrement dit, au discours») [Coquet 1984: 11–12].

¹ В этом своем аспекте, касающемся философского теоретизирования модальных свойств глагола, семиотика инстанций обнаруживает определенное родство, а в качестве варианта «анализа дискурса» – даже некоторую генетическую связь, с психоанализом. Так, человек, в качестве «инстанции высказывания», всегда является, по мысли Ж.К. Коке, ареной неравного состязания между тем, чем он *может* быть, что он может иметь и делать, и тем, чем он должен быть, что он *должен* иметь и делать. Иначе говоря, социализированный человек вынужден постоянно примирять свое одновременное присутствие в пространстве социальных обязательств и ограничений с таковым в сфере естественных потребностей и желаний, что превращает его в «*гетерономного субъекта*», который лишь в очень узкой зоне отсутствия сдерживающих факторов способен утвердиться в качестве «*субъекта автономного*» и сделать вид, будто обладает свободой выбора, по отношению к своим социальным обязательствам [Coquet 1984: 219].

² «...Non des êtres de chair, des "personnes", mais des formes, des faisceaux de relations, qu'il [sémioticien] dénomme *actants*. À lui de décrire ensuite leurs périodes de stabilité et les phases de leur transformation» [Coquet 1984: 9].

³ «...La sémiotique s'applique à décrire non des énoncés isolés, comme le fait la linguistique, mais des discours, autrement dit non plus le phrastique mais le transphrastique. Le sémioticien se trouve ainsi d'emblée en diversité des occurrences, de repérer des régularités. Or, justement, ces zones à morphologie stable, il les identifie à des dimensions *modales*. D'elles dépendent les multiples énoncés descriptifs concernant le *faire*, l'*être* ou l'*avoir* de l'actant. Cette répartition en deux niveaux, l'un dit *modal* et dominant, l'autre dit *descriptif* et dominé, est d'ailleurs pratiquée aussi bien par des logiciens (J.B. Grize...) ou des philosophes (M. Foucault...) que par des écrivains (P. Valéry...). Ces principaux «domaines distincts», pour reprendre une expression de J.B. Grize, je les dénommerai

В дальнейшем Ж.К. Коке, как и многие его современники, отошел от собственно «дискурсного анализа», в его структуралистском понимании, и попытался вписать проблематику «теории дискурса» – с ее ключевой идеей «поиска смысла» через «поиск субъекта», который, как уже отмечалось, по мысли Э. Бенвениста, лингвистически, и тем самым когнитивно, позиционирует себя в мире и по отношению к «другому» в процессе высказывания, – в феноменологическую традицию, опирающуюся, в частности, на философию восприятия М. Мерло-Понти [Соquet 2007].

Другим представителем французского направления в теории и практике дискурсивных исследований, как уже говорилось выше, был А. Мешонник. Лингвист по образованию, литературовед-поэтик и переводчик-полиглот, он также был продолжателем идей Э. Бенвениста, но, в отличие от своих коллег из Парижской школы семиолингвистического анализа, решительно противопоставил свою «теорию ритма», или «историческую антропологию языка», с одной стороны, структурализму и семиотике, а с другой стороны – философии, герменевтике и субъективному интуитивизму. Избранный им узкий путь тотальной критики как методологии и принципиальное неприятие парадигмы естественных наук в качестве модели построения гуманитарных наук обрекли его самого и его последователей на определенную эпистемологическую изоляцию. Впрочем, охватить мысль А. Мешонника во всей ее полноте, или, как сказал бы он сам, в ее «историчности», оказалось не под силу, пожалуй, ни одному из его учеников – каждый из них развил лишь определенную часть его учения.

«cognitif» (le *savoir*), «pragmatique» (le *pouvoir*), «volitif» (le *vouloir*) et «déontique» (le *devoir*). Mon hypothèse de travail est donc que, les modalités forment le support constant du discours, une dimension modale caractérise chaque partition de l'univers de signification et que l'actant, pièce maîtresse du théâtre sémiotique, est défini lui-même par son mode de jonction modale» («Семиотика применяется для описания не изолированных продуктов высказывания, как это делает лингвистика, но дискурсов, иначе говоря, уже не фразового, а трансфразового. Таким образом, семиотик сразу оказывается среди множества высказываний, в поиске закономерностей. Именно эти зоны со стабильной морфологией он уподобляет *модальным* измерениям. От них зависят многочисленные описательные продукты высказывания, относящиеся к *деланию*, *бытию* и *обладанию* актанта. Данное двухуровневое распределение, одно – называемое *модальным* и являющееся доминирующим, другое – называемое *описательным* и являющееся доминируемым, практикуется, впрочем, как писателями (П. Валери...), так и логиками (Ж.Б. Гриз...) или философами (М. Фуко...). Эти основные «отдельные области», по выражению Ж.Б. Гриза, я назову «когнитивной» (*знание*), «прагматической» (*можение*), «волитивной» (*хотение*) и «деонтологической» (*долженствование*). Моей рабочей гипотезой, таким образом, является то, что модальности формируют постоянную основу дискурса, модальное измерение характеризует каждую часть универсума значения и что актант, главная пьеса семиотического театра, сам определяется своим способом модального сочленения») [Соquet 1997: 149] (*Пер. мой – Э.Д.*).

Под дискурсом А. Мешонник понимает так называемую «историчность языковой деятельности» («le discours est l'historicité du langage») [Meschonnic 1982: 397]. По мысли поэта, любая активность языка представляет собой дискурс: «...La notion linguistique de discours, selon laquelle... toute activité de langage est un discours. On ne saisit jamais d'une langue, et pas seulement des mortes, que des discours. Le discours est l'activité de langage d'un sujet dans une société et dans une histoire. <...> La notion de discours est une stratégie» [Meschonnic 1982: 61]¹.

Вслед за Бенвенистом, он противопоставляет *язык* (langue), как абстрактную систему знаков, *дискурсу* (discours) в качестве реальной актуализации последней. А. Мешонник также активно эксплуатирует термин язык (langage) в двух значениях: (1) языковая деятельность вообще, активность языка-системы; (2) в значении, близком понятию «дискурс» (например, «le langage Heidegger», «язык Хайдеггера» – название одной из его книг – Le langage Heidegger, PUF, 1990 – в которой он развивает, по сути, своеобразную концепцию «языковой личности», близкую по смыслу тому понятию, которое вкладывает в этот термин В.И. Карасик [Карасик 2002]).

Как и Бенвенист, в отличие от Бюиссанса [Дискурс 2004], А. Мешонник специально не выделяет, в терминологическом отношении, *речь* (parole). Вместе с тем, поэт и переводчик не останавливается на данном заимствовании и продолжает разделение сферы языка-системы и сферы дискурса уже на лингвофилософском уровне, создавая ряд терминологически ангажированных бинарных оппозиций, главной из которых выступает пара *langue vs discours* (язык vs дискурс): *discontinu vs continu* (прерывное vs непрерывное), *historicisme vs historicité* (историцизм vs историчность), *identité vs altérité* (идентичность vs инаковость), *binarité vs pluralité* (бинарность vs множественность), *empirisme vs empirique* (эмпиризм vs эмпирическое), *sémiotique vs sémantique* (семиотика vs семантика), *sens vs signifiante* (смысл vs означивание), *énoncé vs énonciation* (результат высказывания vs процесс высказывания), *stylistique vs poétique* (стилистика vs поэтика), *métrique vs rythmique* (метрика vs ритмика), *interprétation vs traduction* (интерпретация vs перевод) [Attal 2000].

¹ «...Лингвистическое понятие дискурс, согласно которому... любая активность языка является дискурсом. Никогда невозможно ухватить язык, и не только мертвые языки, иначе чем через дискурсы. Дискурс – это активность языковой деятельности субъекта в определенном обществе и в определенной истории. <...> Понятие дискурс является стратегическим» (пер. мой. – Э.Д.).

А. Мешонник подвергает критике и отбрасывает как несостоятельные все современные ему теории дискурса – логико-грамматическую¹, семиолингвистическую², лексикометрическую и социолингвистическую³, лингвокультуро-

¹ «Le discours est l'enjeu des grammaires. Chaque stratégie grammaticale est un aspect du conflit entre la langue et le discours, le signe et le poème, la métaphysique et l'historicité. La poétique met à l'épreuve les théories grammaticales, comme le lien entre la métrique, la grammaire et le rythme. <...> Tout se passe comme si le rythme, – disposition, organisation de la signifiante –, était une forme intérieure du sens, comme la grammaire la forme intérieure des langues. Mais c'est seulement dans un discours-système que le rythme peut être ce système. C'est pourquoi il importe de séparer le rythme dans le langage du rythme hors du langage, pour montrer que sa spécificité langage n'est que dans le discours. Ce qui a lieu ailleurs ressortit à d'autres systèmes. Les confondre participe de la stratégie traditionnelle» («Дискурс является ставкой на кону у грамматик. Каждая грамматическая стратегия представляет собой определенный аспект конфликта между языком и дискурсом, знаком и поэмой, метафизикой и историчностью. Поэтика испытывает грамматические теории, как связь между метрикой, грамматикой и ритмом. <...> Все происходит так, как если бы ритм – расположение, организация означивания – был внутренней формой смысла, подобно тому как грамматика является внутренней формой языков. Но ритм может быть такой системой только в дискурс-системе. Поэтому важно отделять ритм в языке от ритма вне языка, чтобы показать, что его языковая специфичность находится исключительно в дискурсе. То, что имеет место где-то еще, относится к другим системам. Их смешение является частью традиционной стратегии») [Meschonnic 1982: 115] (*пер. мой. – Э.Д.*).

² «Le confusionnisme et la régression se partagent la définition sémiotique du discours. Le même livre d'initiation [Anne Hénault, *Les Enjeux de la sémiotique*, PUF, 1979 – *прим. Э.Д.*] met dans son glossaire: “Le discours (ou parole) est le résultat des choix opérés par un locuteur donné, dans le stock de la langue, afin de réaliser un message particulier, inscrit dans une situation concrète et déterminée” (*ibid.*, 181)» («Путаница и регресс делят между собой семиотическое определение дискурса. То же самое ознакомительное пособие [Anne Hénault, *Les Enjeux de la sémiotique*, PUF, 1979 – *прим. Э.Д.*] помещает в свой глоссарий: “Дискурс (или речь) является результатом выборов, делаемых конкретным говорящим, в запаснике языковой системы, с целью реализации отдельного сообщения, вписанного в какую-либо конкретную и определенную ситуацию” (там же, с. 181)») [Meschonnic 1982: 77] (*пер. мой. – Э.Д.*).

³ «...L'analyse du discours s'est partagée entre une pratique lexicologique et une théorie qui essayait vainement d'articuler le marxisme et la grammaire générative. Pourtant, la logique interne du discours est celle de Saussure, qui remplaçait les “subdivisions traditionnelles” (syntaxe, lexicque, morphologie) par le double repérage du syntagmatique et du paradigme. C'est, en ce sens, un primat du grammatical et du système, déjà vu par Humboldt. Ce primat inscrit dans la langue même une relation entre langue et discours qui conduit à la question du caractère des langues: y a-t-il une relation nécessaire entre ce qui doit et ce qui peut se dire, s'écrire, dans et par une langue spécifiquement par rapport aux autres? Le primat du

логическую¹. Вместо них он постулирует свою собственную лингвопоэтическую концепцию дискурса: «Pour la poétique, si le discours est une pratique du sujet dans une histoire, le poème est pris comme l'inscription maximale du sujet (avec sa situation et son histoire) dans le langage, alors que les autres pratiques du discours se réalisent comme l'inscription du langage dans l'histoire et la situation» [Meschonnic 1985: 43]².

Нетрудно заметить, что она, в свою очередь, – и несмотря на все теоретические расхождения – как отмечала Ф. Мазьер, базируется на тех же проблемных «трех китах», что и критикуемые А. Мешонником теории, а именно – *субъекте*³, *языке* и *истории*. Таким образом, глобальной целью проекта

rythme pose cette question...» («...Анализ дискурса разделится между лексико-логической практикой и теорией, тщетно пытающейся связать марксизм и генеративную грамматику. Однако, внутренняя логика дискурса – это логика Соссюра, заменявшего “традиционные подразделения” (синтаксис, лексику, морфологию) двойным сопряжением синтагматического и парадигмы. Это, в определенном смысле, примат грамматического и системы, усмотренный еще Гумбольдтом. Данный примат вписывает в сам язык отношение между языком и дискурсом, которое приводит к вопросу о характере языков: есть ли необходимая связь между тем, что должно и что может быть сказано, написано, в и на том или ином языке, специфически по отношению к другим языкам? Примат ритма задает этот вопрос...») [Meschonnic 1982: 110] (*пер. мой. – Э.Д.*).

¹ «Le rythme d'une langue, ou plutôt ses conditions rythmiques, c'est à la fois sa syntagmatique et sa prosodie. C'est pourquoi ce rythme n'est que le rythme de ses discours, et se transforme en eux. Il est donc nécessairement insaisissable comme une essence, un génie. C'est parce qu'il n'y a que des discours qu'il n'y a pas de caractère des langues. Il n'y a que le caractère des discours, dont le rythme et la langue ne sont pas séparables de leur histoire». («Ритм языка, или скорее его ритмические условия, – это одновременно его синтагматика и просодия. Поэтому такой ритм является лишь ритмом его дискурсов, и трансформируется в них. Таким образом, он, с необходимостью, неуловим как сущность, как гений. Поскольку есть только дискурсы – нет характера языков. Есть только характер дискурсов, чей ритм и язык не отделимы от их истории») [Meschonnic 1982: 426] (*пер. мой. – Э.Д.*).

² «С точки зрения поэтики, если дискурс является практикой субъекта в некоторой истории, поэма принимается как максимальная вписанность субъекта (с его ситуацией и его историей) в языковую деятельность, тогда как остальные практики дискурса реализуются как вписанность языковой деятельности в историю и ситуацию» (*пер. мой. – Э.Д.*).

³ А. Мешонник, в свою очередь, играет на многозначности слова *sujet* во французском языке (см. выше ссылку на комментарий П. Серьо по этому поводу), в заглавии одной из своих книг задействуя, как минимум, два значения: «сюжет» и «субъект». Так, его *Politique du rythme, politique du sujet* (Verdier, Lagrasse, 1995) можно было бы ошибочно перевести на русский язык *Политика ритма, политика сюжета*, тем самым наивно отнеся проблематику Мешонника – автора *критики ритма, исторической антропологии языка* [Meschonnic 1982] – напрямую к сфере интересов «Поэтики сюжетов»

А. Мешонника в итоге становится все то же уничтожение иллюзии непрозрачности языка. При этом используемая поэтиком методология уже никак не связана с философской, логической, социологической, психологической и даже лингвистической традицией, в строгом понимании предмета последней. По духу, она сближается с практикой деконструкции Ж. Деррида, с литературно-критическими размышлениями Р. Барта, тогда как технически представляет собой сочетание стиховедческо-поэтико-лингвистического разбора текстов с социально-философскими интерпретациями результатов последнего.

В этом отношении, поэтико-лингвистическая эссеистика А. Мешонника ставила своей задачей устранение пробела в гуманитарных науках, а именно, задавалась целью восполнить «отсутствие теории языка в антропологии», точнее было бы сказать – в социальной антропологии, в противовес кантовской естественной, или физической, антропологии: «La transparence supposée, et donc invisible, du langage à la société, se reporte pratiquement en absence de la théorie du langage dans l'anthropologie. Tant qu'elle est l'histoire naturelle de l'homme, l'anthropologie continue le traitement de Kant dans son *Anthropologie du point de vue pragmatique*» [Meschonnic 1982: 46]¹. Этот проект А. Мешонник воплощал в жизнь на протяжении всех своих многочисленных и объемных сочинений, вплоть до момента своей кончины весной 2009 года. Насколько удалась его реализация – судить последующим исследователям теорий дискурса: лингвистам, антропологам, литературоведам, социологам, психологам, культурологам, философам.

А.Н. Веселовского («Задача исторической поэтики, как она мне представляется, – определить роль и границы предания в процессе личного творчества. Это предание, насколько оно касается элементов стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм, служило когда-то естественным выражением собирательной психики и соответствующих ей бытовых условий на первых порах общежития», *Историческая поэтика*. – М.: Едиториал УРСС, 2004, с. 493). Безусловно, отдаленная связь между проектом Мешонника и замыслом Веселовского всё же существует, но ее не стоит понимать слишком буквально, забывая для рассмотрения каждого из этих проектов использовать методологические призм, соответствующие их различным культурно-эпистемологическим контекстам. Подобную ошибку уже совершили авторы статьи «Анри Мешонник» И.П. Ильин и А.Е. Махов, переведя название пенталогии А. Мешонника *Pour la poétique, В защиту поэзии (Западное литературоведение XX века. Энциклопедия*. – М.: Intrada, 2004). См. подробнее об этом: [Дейнека 2011].

¹ «Предполагаемая, и значит невидимая, прозрачность языка для общества выражается практически в отсутствии теории языка в антропологии. Пока она является естественной историей человека, антропология продолжает трактовку Канта в его *Антропологии с точки зрения прагматики*» (пер. мой. – Э.Д.).

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Итак, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в последнее десятилетие теории и практики дискурсивного анализа пережили настоящий расцвет. Еще недавно они носили имена *poétique* (поэтика), *sémiotique littéraire* (литературная семиотика), *linguistique textuelle* (лингвистика текста), *analyse de discours* (анализ дискурса), *stylistique* (стилистика) и *grammaire du texte* (грамматика текста) [Jeandillou 1997: 3]. Сегодня же они стоят в одном ряду с такими понятиями, как «языковая картина мира», «словесный образ», «концепт», и продолжают служить наименованием наиболее актуальным проблемам современности [Текст. Дискурс. Культура 2008].

Вместе с тем, коренного перелома в самом понятии дискурса, подобного тому, который имел место в процессе перехода от эпохи классической философии к эпохе неклассической и постнеклассической философии, в частности к парадигме так называемого постмодернизма, в ближайшее время, по всей вероятности, не предвидится. Если в классической философии дискурсивное мышление связывалось с последовательным аналитическим рассуждением, с развертыванием умозаключения посредством установления причинно-следственных связей, в его противопоставлении интуитивному мышлению, схватывавшему целое независимо от выявления его частей и обнаружения связей между ними [Дискурс 2001], то начиная с 1960-х годов, этот концепт значительным образом переосмысливается и начинает обозначать, сначала последовательность связанных высказываний, а затем – некое рече-языковое целое, которое не только не зависит от характеристик составляющих его частей, но, наоборот, само «становится самостоятельным смысловым полем – некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 9].

Этимологически связанный с идеей «блуждания» (лат. *discursus* «бегание туда и сюда») – с рассуждением, размышлением и разговором – термин *дискурс* как нельзя лучше вписался в парадигму современной мировой цивилизации, для которой, как никогда ранее, характерны сетеобразная распределенность, децентрализованность, плюральность, антииерархичность и самоорганизуемость.

Таким образом, дискурсивность, на современном этапе, представляет собой определенное видение субъекта, общества, культуры и цивилизации через призму языкового сознания. При этом, язык понимается как условие существования сугубо человеческого сознания, в его наиндивидуальном масштабе, и как единственно возможное *полноценное* материальное проявление последнего. Согласно этому видению, методы исследования ментально-языковых миров, представленных различными видами дискурсов, должны включать в себя, в обязательном порядке, инструментарий лингвистического анализа. Другой вопрос – какого именно лингвистического анализа, то есть основывающегося на каких именно концепциях языка. С одной стороны, это могут быть модели, тяготеющие к естественнонаучной парадигме, рассматривающей язык и говорящего субъекта как объективизируемый, по отношению к исследователю, предмет. С другой стороны – представления о языке как о некой

ментально-материальной, общественно детерминированной среде, изучая которую, невозможно быть свободным от нее.

Впрочем, несмотря на указанные концептуальные различия, по мнению Ф. Мазьер, в настоящее время развитие теорий и практик дискурсивного анализа характеризуется двумя основными отличительными чертами. Во-первых, отмечается расширение эпистемологических границ, а именно – дискурс как специализированный термин завоевывает все большее число областей знания и особенно процветает в лексиконе междисциплинарных исследований. Во-вторых, значительно расширяется географический ареал его распространения – от стран Латинской Америки и Африки до России и Китая [Mazière 2010: 109–112].

Поэтому представляется возможным полагать, что в своем нынешнем значении понятие дискурса будет и далее развиваться преимущественно экстенсивным путем и утратит свою актуальность лишь с приходом новой цивилизационной парадигмы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Adam 1999 – *Adam J.M.* Linguistique textuelle: des genres de discours aux textes, Paris, Éd. Nathan / HER, 1999.
2. Adam 2005 – *Adam J.M.* La linguistique textuelle: introduction à l'analyse textuelle des discours, Paris, A. Colin, 2005, 1 vol.
3. Attal 2000 – *Attal J.P.* Meschonnic Henri, Poétique du traduire, Paris: Verdier, 1999, 468 p.; compte rendu par J.-P. Attal, dans La Tribune Internationale des Langues vivantes, No 28, novembre 2000, pp. 70–71.
4. Benveniste 1966 et 1974 – *Benveniste E.* Problèmes de linguistique générale, Paris, Gallimard, 1966 et 1974, 2 vol.
5. Blakemore 1993 – *Blakemore D.* Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics, Cambridge, 1993.
6. Bronckart 1994 – *Bronckart J.P.* Le fonctionnement des discours: un modèle psychologique et une méthode d'analyse, Neuchâtel, Delachaux et Niestlé, Lausanne-Paris, 1994 (1985, 1ère éd.).
7. Brown, Yule 1983 – *Brown G., Yule G.* Discourse Analysis, Cambridge, 1983.
8. Buysens 1943 – *Buysens E.* Les langages et le discours: essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie, Bruxelles: Office de Publicité, 1943.
9. Charaudeau 1983 – *Charaudeau P.* Langage et discours: éléments de sémiolinguistique (théorie et pratique), Paris, Hachette, 1983.
10. Charaudeau 1995 – *Charaudeau P.* Une analyse sémiolinguistique du discours, dans Langages, 29e année, No 117, 1995, pp. 96–111.
11. Chomsky 1955 – *Chomsky N.* Logical Structure of Linguistic Theory, MIT Humanities Library, Microfilm, 1955, New York and London, Plenum Press, 1975; Chicago, University of Chicago Press, 1985.
12. Coquet 1984 et 1985 – *Coquet J.C.* Le discours et son sujet, Paris, Klincksieck, 1984–1985, 2 vol.

13. Coquet 1997 – *Coquet J.C.* La quête du sens. Le langage en question, Presses Universitaires de France, 1997.
14. Coquet 2007 – *Coquet J.C.* Physis et logos. Une phénoménologie du langage, Presses Universitaires de Vincennes, Université Paris 8, Saint-Denis, 2007.
15. Courtés 1991 – *Courtés J.* Analyse sémiotique du discours de l'énoncé à l'énonciation, Hachette, 1991.
16. Dijk 1981 – *Dijk T.A. van.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981.
17. Humboldt W. von 1974 – Цит. по фр. переводу: *Humboldt W. von.* Introduction à l'oeuvre sur le Kavi et autres essais, Paris, Éd. du Seuil, 1974. Trad. fr. P. Caussat.
18. Jeandillou 1997 – *Jeandillou J.F.* L'analyse textuelle, Paris, Armand Colin, 1997.
19. Maingueneau 1991 – *Maingueneau D.* Analyse du discours: introduction aux lectures de l'archive, Paris, Hachette, 1991.
20. Maingueneau 1996 – *Maingueneau D.* Les termes clés de l'analyse du discours, Paris, Éd. du Seuil, 1996.
21. Mazière 2010 – *Mazière F.* L'analyse du discours. Histoire et pratique, Paris, PUF, 2010, 2e éd. mise à jour.
22. Meschonnic 1982 – *Meschonnic H.* Critique du rythme: anthropologie historique du langage, Verdier, Lagrasse, 1982.
23. Meschonnic 1985 – *Meschonnic H.* Les états de la poétique, Paris, PUF, 1985.
24. Meschonnic 1985a – *Meschonnic H.* Poétique d'un texte de philosophe et de ses traducteurs : Humboldt, sur la tâche de l'écrivain de l'histoire dans Les Tours de Babel, éd. par Gérard Granel, Trans-Europ-Repress, 1985, pp. 181–229.
25. Meschonnic 1999 – *Meschonnic H.* Sur la tâche de l'écrivain de l'histoire dans Poétique du traduire, Verdier, Lagrasse, 1999, pp. 343–393.
26. Schiffrin 1994 – *Schiffrin D.* Approaches to Discourse, Oxford, 1994.
27. Sciences du texte et analyse de discours 2005 – *Sciences du texte et analyse de discours : enjeux d'une interdisciplinarité*, Stalkine Érudition, Genève, 2005. Édité par J.M. Adam et U. Heidmann.
28. Searle 1969 – *Searle J.R.* Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language, Cambridge University Press, 1969.
29. Sémiotique, phénoménologie, discours 1996 – *Sémiotique, phénoménologie, discours: du corps présent au sujet énonçant*, L'Harmattan, 1996. Textes réunis et présentés par M. Costantini et I. Darrault-Harris en hommage à J.C. Coquet.
30. Stubbs 1994 – *Stubbs M.* Discourse Analysis, London, 1994.
31. Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
32. Белошапкина 2008 – *Белошапкина Т.В.* Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания: принципы анализа дискурса (на материале категории аспектуальности) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 214–218.
33. Дейнека 2011 – *Дейнека Э.А.* Концепты лингвоантропологической системы Анри Мешонника // Под знаком «Мета». Материалы конференции

«Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко, Е.М. Князевой, С.Ю. Бочавер. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд. «Эйдос»), 2011. С. 235–236.

34. Демьянков 1995 – Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца 20 века*. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.

35. Дискурс 2001 – *Дискурс* // Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.

36. Дискурс 2004 – *Дискурс* // *Философия: Энциклопедический словарь* / Под редакцией А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

37. Йоргенсен, Филлипс 2008 – *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

38. Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

39. Макаров 2003 – *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК, 2003.

40. Серьо 1999 – *Серьо П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. / Пер. с фр. и португ. общ. ред. и вступ. ст. П. Серьо; предисл. Ю.С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12–53.

41. Силантьев 2011 – *Силантьев И.В.* Наука и обыденный дискурс // Под знаком «Мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко, Е.М. Князевой, С.Ю. Бочавер. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2011. С. 143–151.

42. Степанов 1995 – *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца XX века*. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995.

43. Степанов 1999 – *Степанов Ю.С.* Париж – Москва, весной и утром... // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. / Пер. с фр. и португ. общ. ред. и вступ. ст. П. Серьо; предисл. Ю.С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.

44. Степанов 2001 – *Степанов Ю.С.* Семиотика концептов // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

45. Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Концепт // *Константы: Словарь русской культуры*: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.

46. Степанов 2010 – *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В.П. Нерознак, Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 (1985, 1-е изд.).

47. Текст. Дискурс. Культура 2008 – *Текст. Дискурс. Культура*: Сб. науч. ст. / Отв. ред. М.С. Фомкин, предисл. В.А. Ямшановой и М.С. Фомкина. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008.

48. Фещенко 2005 – *Фещенко В.В.* О внешних и внутренних горизонтах семиотики // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8.
49. Хомутова 2009 – *Хомутова Т.Н.* Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142–151.
50. Чернявская 2006 – *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2006.